

З. В. УДАЛЬЦОВА, Р. А. НАСЛЕДОВА,
Б. Л. ФОНКИЧ, А. В. БАНК

XV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИНИСТОВ В АФИНАХ

5—11 сентября 1976 г. в Афинах состоялся очередной XV Международный конгресс византинистов. В его работе приняли участие около 800 делегатов из 36 стран. Конгресс собрал всех крупнейших византинистов мира. Весьма представительными были делегации Греции — Д. Закиннос, П. Зепос, И. Караяннопулос, А. Орландос, А. Ксингопулос, М. Хадзидакис и многие другие, Франции — П. Лемерль, Э. Арвейлер, Н. Зворонос, А. Гийу, США — И. Шевченко, И. Мейендорф, П. Харанис, Р. Топпинг, Д. Джанакопос и др., Англии — С. Рэнсимен, Д. Оболенский, Р. Браунинг, Д. Найкл, К. Манго и др., ФРГ — Г. Г. Бек, Г. Хауссиг, П. Классен, А. Хольвег, Я. Ферлуга, Е. Кирстен и др., Австрии — Г. Хунгер, О. Демус и др., Бельгии — К. Дельвуа, Е. Шриккер, М. Леруа и др., Канады — Н. Икономидис, Кипра — Т. Пападопулос, К. Киррис и др., Италии — Б. Лаваньини, А. Пертузи, Э. Фольери, Дж. Скиро и др. Из социалистических стран приехали почти все крупнейшие византинисты и много молодых ученых: из Болгарии — Д. Ангелов, И. Дуйчев, В. Тыпкова-Заимова, С. Лишев, Г. Цанкова-Петкова и др., из ГДР — И. Ирмшер, Х. Кэпштейн и др., из Польши — Г. Капессова, Т. Василевский, из Румынии — М. Берза, Э. Станеску, Ст. Паску и др., из Чехословакии — Б. Застерова, В. Грохова, из Югославии — Б. Ферьянчич, В. Джурич, Л. Максимович и др. Советская делегация состояла из 23 человек, ученых из Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Еревана.

XV Международный конгресс византинистов стал важным событием в общественно-политической и культурной жизни Греции. Конгресс проходил под эгидой Министерства науки и культуры (министр К. Трипанис), афинской Академии наук и под патронатом президента Греческой республики К. Цапоса, который лично приветствовал делегатов на торжественной церемонии открытия конгресса в актовом зале Афинского университета. Работа конгресса вызвала большой интерес греческой общественности и освещалась в прессе, по радио и телевидению.

Главной темой конгресса, разработка которой должна была объединить усилия специалистов различных отраслей византиноведческой науки, была избрана проблема: «Византийский мир в 1071—1261 гг.» По замыслу организаторов конгресса все доклады (за редким исключением) должны были ограничиваться хронологическими рамками — от разгрома империи при Манцикерте в 1071 г. и до восстановления византийского государства в 1261 г. Этот отрезок времени в истории Византии, как известно, насыщен драматическими событиями — такими, как завоевание Константинополя крестоносцами, распад империи, борьба греческих государств с латинянами, наконец, новое «возрождение» Византии как единого государства при Михаиле VIII Палеологе. Этот период очень сложен для изучения и порождает много спорных, еще далеких от разрешения вопросов. Они связаны не только с внешнеполити-

ческими событиями, но также с внутренней историей и идейной жизнью Византии той эпохи.

В центре внимания участников конгресса находилась проблема: Византия между латинским Западом и мусульманским Востоком в конце XI—середине XIII в. Однако по существу эта проблема свелась к вопросу о взаимоотношениях греко-православной Византии и латинского Запада в различных сферах общественной жизни: в экономике, политике, в области государственного и церковного устройства, языка, литературы, общественной мысли, идеологии и искусства. Взаимоотношения Византии и Запада трактовались то как взаимодействие, взаимопроникновение (некий симбиоз или синтез) общественного строя, политических институтов, идеологии и культуры Византии и латинян (франков и венецианцев), то как противоборство, конфронтация этих двух миров, главным образом в сфере церковной и идеологической. Иными словами, в поле зрения ученых находились два мира, две культуры в острый момент их столкновения, перекрещивания, сближения и отталкивания. Однако, естественно, все эти проблемы рассматривались с «византийского берега», с точки зрения собственной истории Византии и ее общественного и культурного развития.

Работа конгресса проходила в пяти секциях: 1) история, 2) язык, литература, филология, 3) искусство и археология, 4) общественная мысль, философия, история идей, 5) Кипр в византийском мире.

Центральное место как по широте и значимости поставленных проблем, так и по глубине их разработки, принадлежало, думается, секции истории.

Главная тема конгресса была здесь освещена в трех основных аспектах:

I. «Центробежные и центростремительные силы в византийском мире с 1071 по 1261 г.», т. е. ставился вопрос об определении как факторов децентрализации, способствовавших распаду империи и ее завоеванию крестоносцами, так и факторов централизации, обеспечивших стойкость Византии в борьбе с латинянами и ее восстановление в 1261 г.

II. «Состав и движение населения в византийском мире». Разработка этой темы проливала свет на демографические и этнические перемены, связанные с массовыми перемещениями населения в разных областях Византии в изучаемую эпоху.

III. «Симбиоз в латинских государствах, образовавшихся на византийской территории». Здесь в различных ракурсах рассматривались взаимоотношения греков и латинян в Морее и на Крите.

При рассмотрении первой темы был выдвинут ряд чрезвычайно важных и дискуссионных проблем, и прежде всего вопрос о том, как оценивать роль централизованного государства, императорской власти и централизации в целом в истории Византии конца XI—середины XIII в. и, соответственно, какую оценку следует дать тенденциям к децентрализации, к самостоятельности провинций, их противоборству против самовластия чиновной бюрократии и монополии Константинополя? Длительное время в византиноведческой науке на этот вопрос давался почти всегда однозначный ответ: централизация — хорошо, децентрализация — плохо; иными словами, сила Византийской империи заключалась в сохранении крепкой центральной власти и в поддержании могущества Константинополя, процессы же децентрализации, феодализации (в западном понимании этого слова) всегда были пагубны для империи, именно они ослабили ее и открыли путь в византийское государство иноземным завоевателям. В связи с этой концепцией рост провинций, усиление провинциальной знати и отпадение провинций от Константинополя рассматривались как вредные для империи проявления феодальных тенденций. За последние годы, в византиноведческой историографии, правда, стали все сильнее звучать иные голоса: ученые вставляли на защиту провинций (особенно Малой Азии), обличали пороки бюрократического аппарата централизованного государства и монополистические притя-

зания Константинополя, тормозившего развитие провинциальных городов. Столкновение этих полярных точек зрения сделало особенно необходимым углубленное рассмотрение вопроса о силах централизации и децентрализации в Византии изучаемого периода.

На конгрессе эта проблема в социально-экономическом аспекте была освещена в трех докладах: З. В. Удальцовой, А. П. Каждана (СССР) и В. Гроховой (ЧССР).

В докладе З. В. Удальцовой «Центробежные и центростремительные силы в византийском мире (1071—1261)». Социально-экономические аспекты проблемы прослеживалась эволюция социально-экономических отношений в империи. Решающее значение в этой эволюции приобретают два фактора: укрепление феодальной вотчины и рост провинциальных городов. Консолидация феодальной вотчины, ослабление централизованных и усиление сеньориальных форм эксплуатации в византийской деревне создали предпосылки возникновения локальных объединений в провинциях и способствовали экономическому обособлению последних. Это в конечном счете приводило к централизации в локальных масштабах и к децентрализации в пределах всей империи. Важным компонентом этого процесса был также рост провинциальных городов, ослабление натурально-хозяйственной экономики и втягивание феодальной деревни в товарно-денежные отношения. Одновременно ослаблись экономические позиции Константинополя, что во многом было связано с перемещением экономической активности в провинциальные города. Существование локальных социально-экономических общностей, естественно, пришло в противоречие с унифицирующими принципами римско-византийской государственности. Социально-экономическая эволюция Византии в конце XI—середине XIII в. послужила фундаментом закономерного и прогрессивного на данном историческом этапе феодального раздробления византийского государства на основе внутренней экономической консолидации провинций. Вместе с тем она обусловила борьбу сил централизации и децентрализации, осложняемую внешнеполитическими событиями. Закономерный процесс феодального раздробления Византии и подъема провинций был затруднен противоборством центральной власти и гипертрофированного столичного центра — Константинополя.

В докладе З. В. Удальцовой в типологическом плане рассматривались основные особенности феодальных отношений в Византии по сравнению со странами Западной Европы и намечались этапы развития византийского государства в аспекте борьбы сил централизации и децентрализации.

В докладе А. П. Каждана «Центростремительные и центробежные силы в византийском мире (1071—1261)». Социальная структура византийского общества подчеркивалась амбивалентность, противоречивая двойственность византийских учреждений: наряду с центростремительными феноменами Византии имманентно были присущи центробежно действующие силы. В Византии не сложились или оставались неразвитыми те силы, которые могли бы противостоять центральной власти, — могущественные сеньории, светские и духовные («княжества») или вольные («имперские») города. Особенности социальной структуры Византии явились, по мнению А. П. Каждана, «рыхлость» микроструктур и вертикальных (иерархических) личных связей и нестабильность господствующего класса. Нестабильность и открытость византийской знати порождала противоречивые, амбивалентные тенденции — с одной стороны, она была важным фактором центростремительных тенденций: не имея прочных основ ни в «княжеских» вотчинах, ни в аристократической генеалогии, константинопольская знать, участвуя в государственной власти и в разделе государственного налога, становилась сознательным и активным оплотом автократии.

Нестабильность знати, однако, влекла за собой и противоположные центробежные тенденции: отсутствие прочного статуса византийской аристократии, особенно в провинциях, толкало ее к мятежам, отпадениям, дворцовым переворотам. Византийская знать отстаивала принцип автократии, а не самодержавную власть данного лица или аристократического рода. Положение меняется при Комнинах, когда упрочение феодальных отношений повлекло за собой консолидацию военной аристократии, укрепление социальных связей и объективно стало фактором централизации. Однако нельзя не видеть, оговаривается автор, и обратной стороны феодализации — упрочения позиций феодальной провинциальной империи на феодальной основе при Комнинах оказалась безрезультатной, и в конце XII в. особенно остро обнаружило себя противоречие между центробежными силами феодализирующейся провинции и псевдо-центростремительными силами правящего Константинополя. Докладчик приходит к выводу, что в 1204 г. феодально-раздробленный Запад одержал победу над централизованно-бюрократической Византией. Латинская империя, однако, восприняла принципы и формы организации византийской автократии, а падение Константинополя создало предпосылки для создания «партикуляристских» образований (Никея, Эпир, Трапезунд).

Социально-экономическое развитие Византии в конце XI—середине XIII в. определялось двумя факторами общеевропейского характера: становлением провинциальных городов и упрочением феодальной вотчины. Эти выводы А. П. Каждана полностью совпадали с основными положениями доклада З. В. Удальцовой. Но в Византии развитию этих прогрессивных факторов мешали как серьезные внешнеполитические неудачи, так и существование прочных традиций «римской» государственности и социальной системы. В заключение автор призывал отказаться от традиционной трактовки феодализма как язвы, разъедавшей Византийское государство и подготавливавшей его распад. Феодальные институты в Византии XI—XIII вв. были не проявлением разрушительных, болезнетворных сил, а формами поступательного исторического развития. Те феномены, которые казались центробежными (провинциальные города, феодальные вотчины), оказались на деле оплотом реальной централизации (при Комнинах, Ласкарях), тогда как византийская централизованная автократия была негибкой государственной организацией и центростремительные по внешней видимости факторы лишь порождали универсалистские планы, объективно же ослабляли Византийскую империю.

Доклад В. Гроховой «Византийские города в XI—XIII вв. — феномен центробежный или центростремительный в эволюции византийского общества?» раскрывал роль городов в борьбе центробежных и центростремительных сил в Византии изучаемой эпохи. Автор полностью приняла основной тезис З. В. Удальцовой и А. П. Каждана о перемещении в это время центра ремесленного производства из столицы в провинциальные города. Она признала и возрастание экономического значения провинциальных городских центров. Большое внимание докладчица уделила вопросу о проникновении в византийскую торговлю, в частности торговлю провинциальных городов, итальянского торгового капитала. Приведя многочисленные факты внедрения итальянских городов-республик в экономическую жизнь многих городов Эпира, Фессалии, Аттики и Пелопоннеса, исследовательница пришла к выводу, что экономический подъем в XI—XIII вв. переживали преимущественно те города Греции и Пелопоннеса, которые были связаны с международной торговлей, главным посредником в которой была Венеция и другие итальянские республики.

В. Грохова пыталась выяснить, влекло ли за собой экономическое

процветание этих городов политическую зависимость от Венеции, или экономическое развитие провинциальных центров постепенно стало базой политических тенденций к децентрализации провинций. Относительно независимое развитие, по мнению В. Гроховой, было эффективным только в тех городах, которые уже приобрели важные административные функции и могли стать центрами политических образований (Мистра, Ларисса, Янина, Арта). Участие Византии во внешней средиземноморской торговле носило амбивалентный характер (и в этом автор солидаризируется с А. П. Кажданом). С одной стороны, византийские императоры, покровительствуя иностранным, в частности итальянским купцам, извлекали из этого большие выгоды, что способствовало укреплению централизации, но с другой — проникновение иностранного капитала таило опасные для централизма тенденции. Иностранный капитал мало-помалу стал захватывать господствующие позиции и в местной торговле провинций. Когда власть византийских императоров была достаточно сильна, чтобы в той или иной степени защищать интересы греческой торговли, проникновение торгового капитала играло в Византии роль центростремительной силы. С момента же ослабления центральной власти, особенно после латинского завоевания, торговый капитал устремился в провинции, которые стали на путь борьбы за свою независимость.

Амбивалентной была также роль городов в борьбе центростремительных и центростремительных сил в сфере политико-административной. В XI—XII вв. большинство провинциальных городов не были независимыми образованиями, подобно городам-коммунам Западной Европы, и не могли занять достойное положение в политической жизни страны. В эпоху централизованного государства города, которые выполняли функции политико-административных центров, являлись опорой центральной власти, а знать, управлявшая провинциями, не была непосредственно связана с экономической жизнью городов. И для XI—XII вв. трудно определить роль знати в экономической жизни городов, степень участия ее в производстве и торговле провинциальных центров. До 1204 г. нет ни одного известия о пожаловании провинциальных городов в качестве лена (фьефа) представителям провинциальной знати. Только после 1204 г. скрытая, латентная эволюция, которая вела к усилению роли городов в децентрализации империи, стала проявляться открыто. Бесспорно, что эта эволюция тесно связана с ростом крупного феодального землевладения в провинциях. Упадок государственного аппарата пробудил политическую активность провинциальной знати, провинциальные города стали центрами этой политической активности. В эпоху латинской империи провинциальная греческая знать в некоторых областях выступает как равноправный партнер с франками. В это время отдельные города отдаются в лен византийским феодалам (Адрианополь отдан в лен Феодору Вране и др.).

В центростремительных силах Византии докладчица выделяла две противоречивые тенденции: 1) тенденция мелких и крупных земельных собственников к независимости по отношению к любой форме централизма, иными словами, тенденции к феодальной анархии; 2) «провинциализм» — тенденции к независимости провинций, отдельных областей, неких прочных общностей, со своей экономической базой и внутренней администрацией. Обе эти тенденции в скрытом виде существовали при Комнинах и Ангелах, но особенно ярко проявились после падения Константинополя в 1204 г. В XIII в. в империи возобладала не феодальная анархия, а провинциальный партикуляризм. И даже, по мнению докладчицы, не имело значения то, что стояли во главе этих образований, типа государств, византийские феодалы (Никея, Эпир, Фессалия), франки (Ахея, Арта), или славяне (Болгария, позднее Сербия). Правительство этих относительно маленьких политических образований извлекало выгоды

не только из политических функций городов, но также из их экономического процветания, включая связи с итальянским торговым капиталом. Внутри этих новых общностей города, как правило, играли роль центростремительной силы.

В заключение докладчица сформулировала вывод о том, что в Византии существовали две централистские тенденции: централизация вокруг Константинополя, древнего очага империи, и централизация вокруг локальных, более мелких политических образований. Эволюция империи в XIII—XIV вв. показывает, что централизация вокруг Константинополя не могла уже опереться на достаточно сильный экономический потенциал и достаточно могущественные социальные силы. Во многом она себя изжила, и развитие шло в сторону усиления локальных государственных образований.

Итак, все три доклада представителей ученых социалистического содружества оказались близки по своим главным научным выводам и показали, что развитие феодальных отношений в Византии определяло и эволюцию всех общественных отношений, государственного устройства и оказало решающее воздействие на борьбу сил централизации и децентрализации в империи.

Борьба центробежных и центростремительных сил в социально-этическом и идеологическом плане рассматривалась в докладе президента Сорбонны — известной французской византистки Э. Арвейлер «Социальная эрозия и эксцентричные поступки в Византии в XI—XIII вв.». Во вступительной части доклада определялось, как сами византийцы оценивали центробежные и центростремительные тенденции. В соответствии с господствующей политической доктриной, унаследованной еще от античности и преобразованной в соответствии с христианской космологией, в Византии позитивную оценку получали лишь центростремительные тенденции, символизировавшие господство гармонии в обществе. Центробежные тенденции, нарушавшие эту гармонию, осуждались в политическом и морально-этическом плане.

Докладчица поставила своей задачей проследить взаимоотношения человеческой личности как носителя центробежных индивидуалистических идей и двух сил, преимущественно центростремительных, — государства и церкви.

Изучаемая эпоха, по мнению докладчицы, — время социальной эрозии, охватившей византийское общество.

Социальная эрозия в этот насыщенный политическими потрясениями период в духовной сфере нашла свое выражение в различных формах отказа человеческой личности от подчинения авторитетам, господствующим политическим и церковным доктринам, что привело к распространению еретических движений и политического инакомыслия. Кроме того, это проявилось в отделении индивида от общества и в обращении к асоциальным формам жизни, например бродяжничеству, бандитизму. Центробежные тенденции нашли выражение в возникновении провинциальных государственных образований, в росте регионального патриотизма, в появлении различных ассоциаций и обществ, порою заговорщического и военного характера.

Наряду с этим в данный период наблюдается крайняя подвижность населения, обусловленная не только военной угрозой, но и желанием изменить образ жизни, рост мистических тенденций и «светского» монашества.

Далее докладчица перешла к конкретизации основных положений своего доклада. Она начала с наиболее характерного проявления социальной эрозии — с «оспаривания власти». Она анализирует источники, которые говорят об «оспаривании власти» иерархии (социальной — бедные против богатых; церковной — монахи против архиереев; административной, гражданской, военной), причем «оспаривание власти»

вызвано разложением самой правящей элиты. Многочисленные свидетельства византийских авторов, рисующих распущенное, несдержанное, развязное поведение элиты, заботящейся лишь о личной выгоде и своих политических и династических амбициях, по ее мнению, являются не общим местом литературы того времени, а отражением реальной социальной действительности. Подобным же образом обличение упадка нравов Константинополя и столичной знати есть историческая реальность и один из ярких примеров социальной эрозии.

Агрессия со стороны элиты толкала к выступлениям широкие слои населения, что влекло за собой глубокие перемены в социальной структуре, перемещение и смешение различных социальных прослоек, которые наблюдаются начиная с этой эпохи и которые обновляют социальную ткань, по крайней мере, в Константинополе. Эта нестабильность византийского общества служит выражением центробежных тенденций.

Докладчица подчеркивала атмосферу неустойчивости, беспокойства, страха, моральной опустошенности, господствовавшей в византийском обществе и порождавшей различные пророчества, знамения. Ощущение морального дискомфорта приводило к поискам индивидуального спасения, успокоения в умственных, духовных убежищах — в монастырях, а с другой стороны — к попыткам извлечь максимум возможного из жизни, к экстравагантности в поведении, манере одеваться, причесываться, питаться. Эти явления заделали преимущественно византийскую элиту и значительное число интеллектуалов.

Тревожная неустойчивая обстановка в стране способствовала возникновению новых объединений людей и созданию ассоциаций, которые могли гарантировать своим членам минимум безопасности и покоя. Это были различные товарищества, фратрии, возникавшие преимущественно в провинциях и объединявшие людей, близких по уровню жизни, профессии и взглядам на вещи. Они не были, подобно монастырским общинам, связаны строгой регламентацией, но объединяли людей, способных к действию во имя нового сообщества. Нередко они использовались и поддерживались местными магнатами в своих интересах.

Рождение этих форм социальной жизни приводило к новой концепции общественного интереса, защита которого становилась делом каждого. Так, эти братства оказывали действенную защиту населению от внешних врагов — турок в Азии, крестоносцев на Балканах.

Докладчица отмечала существовавший в рамках этих братств дух равенства по отношению к их членам. Эти ассоциации по существу были носителями центробежных сил и способствовали формированию в провинциях локальных образований государственного характера.

Э. Арвейлер вслед за писателями той эпохи нарисовала мрачную картину обезлюдения византийских провинций, глубокого демографического упадка византийской деревни, роста внутренних миграций, бродяжничества, разбоя. Это был период различных эксцентричных действий, привычек, мод, манер поведения, которые одними считались безнравственными, другими возвеличивались. Крайняя свобода нравов царила тогда в византийском обществе. Конечный вывод докладчицы сводится к тому, что социальная эрозия стала прелюдией политического распада империи.

Известный греческий ученый, профессор университета в фессалонике И. Караяннопулос в докладе «Центробежные и центростремительные силы в византийском мире в 1071—1261 гг.» попытался проследить воздействие сил централизации и децентрализации на судьбы отдельных провинций Византии, в частности Малой Азии. Свое внимание он сосредоточил преимущественно на событиях XI в., подвергнув пересмотру распространенное в науке представление об упадке Малой Азии во второй половине XI в. Завоевание турками-сельджуками этой провинции было, по мнению докладчика, более длительным и сложным процессом, чем

обычно рисуется в научной литературе. Упорное сопротивление византийцев туркам продолжалось и после Манцикерта.

Действие в Малой Азии сил централизации было длительным и стабильным. Тезис о том, что византийское правительство пренебрегало укреплением своих военных сил, с точки зрения докладчика, несостоятелен. А утверждение о массовом переходе к туркам сельского населения, страдавшего от притеснений земельных магнатов, по его мнению, является явным преувеличением. Ему противоречат многочисленные факты стойкой борьбы жителей Малой Азии совместно с византийскими войсками против набегов турок. Действие центростремительных сил в Малой Азии проявлялось преимущественно в восстаниях знати; призвание турок на помощь в борьбе с внутренними междоусобицами оказалось губительным, и именно эти факторы ускорили турецкое завоевание Малой Азии.

Н. Икономидис (Канада) в докладе «Расчленение Византийской империи накануне 1204 г. и происхождение Никейской империи: к вопросу о «*Partitio Romaniae*» выдвинул гипотезу о том, что фактический распад Византии как единого государства начался еще накануне четвертого крестового похода. Исследование его базируется на сопоставлении данных «*Partitio Romaniae*», договора о разделе Византии между крестоносцами, составление которого он датирует 12 апреля—9 мая 1204 г., с греческими источниками — константинопольскими налоговым кадастром и другими фискальными документами. Анализ источников привел докладчика к выводу, что пропуск в «*Partitio Romaniae*» ряда областей, не подлежащих разделу между крестоносцами, был отнюдь не случаен.

Изучение политического положения этих областей в конце 1203—начале 1204 г. показывает, что они уже тогда фактически отпали от центрального правительства. Особенно примечательно отсутствие в «*Partitio Romaniae*» Никей. Докладчик связывает этот факт с реальным обособлением Никей от Константинополя и с сепаратистскими действиями Феодора Ласкаря, прибывшего в качестве стратига в Никейю еще в конце 1203 г. Конечный вывод докладчика сводится к тому, что уже в конце 1203 г. Византия не была единым централизованным государством. Распад империи был ускорен и тем, что ею фактически управляли два императора — Алексей IV в Константинополе и Алексей III на Балканах.

Думается, что три доклада представителей марксистской византиноведческой науки, посвященные проблеме централизации и децентрализации Византии в конце XI—середине XIII в., отличались широтой постановки теоретических вопросов и четкостью единой общеисторической концепции. Доклад Э. Арвейлер тоже ставил весьма важные проблемы, касающиеся идейного кризиса в византийском обществе и его проявлений в этической и социопсихологической сферах, что само по себе, бесспорно, заслуживает большого внимания и должно стать предметом исследований. Последующие же два доклада носили более частный характер: в них выяснялось воздействие факторов централизации и децентрализации на развитие отдельных провинций империи, преимущественно Малой Азии и Никей. По первой теме выступали с замечаниями и дополнениями советские византилисты Г. Л. Курбатов, М. Д. Лордкипанидзе, И. П. Медведев и С. П. Карпов.

В связи со второй темой — «Состав и движение населения в византийском мире» — были подняты крайне спорные и запутанные проблемы демографических и этнических изменений в империи в XI—XIII вв. Д. Найкл (Великобритания) в докладе «Беженцы, смешанное население и местный патриотизм в Эпире и Западной Македонии после четвертого крестового похода» проанализировал изменения в составе населения этих областей империи, происшедшие в результате латинского завоевания. Он подчеркнул дальнейшее усложнение и без того чрезвычайно пестрого населения Эпира и Фессалии в XIII в. Приток беженцев из Константинополя, появление, хотя и кратковременное, латинян, смешанные

браки греков с православными влахами и болгарами (в меньшей степени с латинянами), способствовали дальнейшему смешению населения этих областей. Вместе с тем автор пришел к выводу, что воздействие латинского завоевания было кратковременным в Фессалии и крайне слабым в Эпире. Сепаратизм Эпира усугублялся его географическим положением. Проявление децентралистских тенденций здесь ощущалось с особой силой. Имперские централистские устремления возрождались лишь на краткий срок и вновь сменялись местной обособленностью, хотя, несмотря на партикуляризм, жители Эпира и в XIII в. продолжали ощущать себя ромеями.

В докладе Д. Ангелова (Болгария) «Состав и движение населения в византийском мире» прослеживалась этническая история болгарского народа в тесной связи с общей проблемой изменения состава и передвижения населения во всем византийском государстве в конце XI—XIII в. Характерной чертой Византийской империи в эту эпоху является разнородный состав населения. Этническая ситуация в болгарских областях в середине XI в. особенно усложняется в связи с притоком тюркских народов — печенегов, узов, куманов. К этому следует добавить нападения норманнов, четыре крестовых похода, а также использование императорами иноземцев в качестве наемных солдат. Все эти факторы усиливали этническую пестроту населения в самой империи и на ее границах и приводили к активизации процессов как миграции, так и ассимиляции.

В докладе Д. Ангелова подробно прослеживались этногенетические изменения, происходившие в завоеванной Византией Болгарии в XI в. Болгары, жившие на территории Византийской империи, включались в экономическую жизнь византийского государства, в развитую систему товарно-денежных отношений; они призывались на военную службу, участвовали в войнах империи с сельджуками, норманнами, венграми. Накопленный ими военный опыт сыграл свою роль во время освободительного движения против Византии в 1185 г. Процесс ассимиляции болгар с другими этническими группами был облегчен их совместным проживанием в рамках единого государства ромеев (с печенегами в Западной и Южной Болгарии, с греками в Южной Македонии, Фессалии и Эпире, а также с влахами и албанцами).

Доклад Р. М. Бартияна (СССР) «Миграция армян в XI веке: причины и последствия» на основании обширного материала греческих и армянских источников устанавливал важнейшие этапы миграции армян в X—XI вв. Автор показал, что с XI в. коренным образом меняется самый характер миграции армян на запад: на смену миграции отдельных лиц или знатных родов приходит массовая миграция населения целых областей. Особенно большие масштабы миграция армян на запад приобрела после завоевания Армении сельджуками.

Докладчик вскрыл причины усиления миграции армян в XI в. Он усмотрел их не только в военной опасности со стороны турок, но и в политике Византии, которая роспуском грузино-армянских войск при Константине Мономахе ослабила Армению перед лицом турецкой угрозы. Однако сама военная реформа этого правителя была вызвана страхом Византии перед восстаниями в Армении с участием армянских войск. Для судеб Армении миграция армян в XI в. имела, как показал докладчик, весьма тяжелые последствия. Миграция трудового народа дала возможность сельджукам обосноваться в завоеванной ими стране, что в свою очередь привело к новым миграциям и положило начало рассеянию армян по многим странам Востока.

Американский византист П. Харанис в докладе «Состав и движение населения в византийском мире в 1071—1261 гг.» выдвинул некоторые общие теоретические вопросы, связанные с оценкой демографических сдвигов в Византии в изучаемую эпоху. Он наметил основные этапы

передвижения населения и соотнес эти передвижения с положением в различных провинциях империи. Первый этап миграции населения он относит к концу XI в. и связывает с турецким натиском на Малую Азию. Второй этап наступает после 1204 г. и характеризуется бегством греков из Константинополя и расселением их по провинциям, в частности в Никее. Третий этап автор отодвигает ко второй половине XIII в., когда продвижение турок к Эгейскому морю привело к вытеснению грекоязычного населения из Малой Азии.

П. Харанис выдвинул тезис о том, что в отличие от Малой Азии европейские области империи не знали в XIII в. значительных передвижений населения. Западные пришельцы не имели существенного значения как демографический фактор, хотя и вызвали некоторые перемещения населения на Балканах. Изучение миграций населения выявляет образование фундамента туркификации Малой Азии. Но в европейской части империи миграции населения в XIII в. мало что изменили, если не считать укрепления греческого этнического элемента в Эпире.

Американский византист Сп. Врионис в докладе «Основные черты движения населения в византийской Малой Азии в 1071—1261 гг.» поставил своей задачей определить типы миграций и состав населения, в них участвовавшего. Он четко различает передвижения кочевых народов и оседлого населения. Кочевые тюркские народы в XI—XII вв. продвигались из западной Малой Азии к границам Грузии, Эдессе и Митилене, а также с севера Малой Азии к Тавру. Первоначально кочевники производят опустошительные набеги, но с конца XI—начала XII в. захватывают земли сперва в сельских местностях, затем нападают и на города, образуя полунезависимые кочевые эмираты. Вторжения кочевников, связанные с внедрением новой религиозно-этнической группы и с отступлением христианского населения, происходит спонтанно, без какой-либо организации. Это первый этап миграции в Малой Азии. Второго этап передвижения населения был своеобразной реконкистой оседлого населения: кочевники изгоняются из прибрежных районов и оттесняются в горные массивы Анатолии. Продвижение кочевников стремились сдерживать правители Византии и сельджуков. Комнины и Ласкари ставят своей задачей борьбу против воинствующего кочевничества, который подрывал основы византийского общества в Малой Азии.

Третья тема — «Симбиоз в латинских государствах, образовавшихся на территории Византии: специальные, экономические, религиозные и культурные феномены» — вызвала особенно большой интерес участников конгресса. Г. Г. Литаврин в докладе «Проблема симбиоза в латинских государствах, образованных на территории Византии (феномены социальные и экономические: 1204—1261)» поставил вопрос о правомерности самого термина «симбиоз»: по его мнению, было бы «более подходящим обозначить рассматриваемую проблему как проблему синтеза общественных институтов, а не как проблему симбиоза самих создателей этих институтов», ибо симбиоз предполагает не сосуществование, а «взаимно-полезное сожительство», «объединение во имя общих целей» и даже «братство». Между тем ничего подобного в отношениях латинских завоевателей и греческого населения усмотреть нельзя. На сближение с завоевателями пошла лишь незначительная часть византийской знати, широкие слои населения остались чужды латинянам.

Докладчик пришел к выводу, что особенно ограничены были контакты между греками и латинянами в политической и культурной сферах. При господстве латинян подавляющее большинство населения полностью было отстранено от участия в политической жизни, а сотрудничавшие с завоевателями представители греческой знати были неравноправны с западными сеньорами. Культура же латинян осталась чужда грекам, а вероисповедная рознь усугубляла отчуждение. Более широкими и постоянными были контакты греков с западными пришельцами

в социально-экономической сфере. Докладчик выдвинул тезис о синтезе социально-экономических институтов византийского и западноевропейского происхождения, особенно в Морее. Г. Г. Литаврин полемизировал с некоторыми зарубежными учеными, которые продолжают отстаивать тезис о том, что феодализм был привнесен с Запада в Византийскую империю крестоносными завоевателями. Анализируя общественный строй Византии накануне латинского завоевания, докладчик убедительно показал, что уже тогда в империи существовали феодальные отношения, складывалась феодальная сеньория, была распространена протекция как вид условного пожалования (в том числе и земельного), различные формы зависимости крестьян. Тот факт, что в Морее завоеватели могли установить режим, основывавшийся на иерархической структуре общества и вассально-ленной системе, Г. Г. Литаврин объяснял принципиальной близостью социально-экономической, аграрной структуры византийской и франкской деревни на рубеже XII—XIII столетий.

В докладе были, кроме того, рассмотрены факторы, препятствовавшие латино-греческому сближению, которые в итоге определили слабость латинских государств, основанных на византийской земле. К таким факторам Г. Г. Литаврин относит прежде всего социальный: латинское завоевание вызвало ухудшение положения социального и материального положения всех без исключения классов и слоев местного византийского населения. Автор привел убедительные примеры повышения норм эксплуатации крестьян и налогового обложения как землевладельцев, так и городов в период владычества франков. Большое внимание уделил он вопросу об этнической розне между греками и латинянами и проблеме «неоэллинизма». Полемизируя с рядом ученых, докладчик утверждал, что нет достаточно веских оснований, в силу которых история должна отказать в наличии этнического самосознания в XIII в. именно грекам, основному этническому ядру Византийской империи, которому были свойственны наиболее богатые исторические и культурные традиции. Среди факторов, обусловивших упорное неприятие массами греков как институтов западных завоевателей, так и их самих, по его мнению, существенную роль играл также этнический фактор.

Иная точка зрения на взаимоотношения латинян и греков была высказана западными учеными. Д. Якоби в докладе «Латинские государства в Романии: феномены социальные и экономические (1204—ок. 1350)» рассматривал феодализм как иерархическую военно-ленную систему, присущую только Западу. В Византии же накануне завоевания существовали общественные отношения, отличавшиеся от феодальных. Феодализм (в западном понимании) в отдельных завоеванных областях, например в Ахее, хотя и был как бы «наложен сверху» на византийское общество, все же влиял на социальную структуру греческого населения.

Греческие архонты постепенно влились в господствующий класс латинян, аристократизировались, превратившись в замкнутую элиту, получали от латинских сеньоров феодальные пожалования (фьефы), помимо своих прежних наследственных владений. Однако докладчик признал, что подлинного слияния греческих архонтов с франкскими феодалами так и не произошло. В областях же, подчиненных Венеции, Генуе или Каталонии, интеграция греческой знати с пришельцами была еще слабее. Д. Якоби признает, что латинское завоевание повлекло за собой превращение в крепостных вилланов всего греческого крестьянства. Лишь в экономической сфере, по мнению автора, наладилось сотрудничество между греками и латинянами.

Американский византист Д. Топпинг в докладе «Существование греков и латинян во франкской Морее и на венецианском Крите» сопоставил последствия латинского завоевания в Морее и на Крите. Франкам в Морее, подчеркивал автор, лучше, чем венецианцам на Крите, удалось приспособиться к местным условиям. Феодалы непосредственно участво-

вали в ведении хозяйства в своих владениях, в то время как венецианцы, по преимуществу купцы, были очень далеки от нужд и интересов сельского населения. Французы перенесли на морейское общество иерархическую феодальную систему, включив в нее местных землевладельцев. В Морее имел место симбиоз господствующего класса, но он ограничивался узкой прослойкой землевладельческой элиты. Франкское владычество в Морее, по характеристике П. Топпинга, являлось суперструктурой, которая быстро исчезла и не оставила заметного следа. Венецианцы вели на Крите колонизаторскую политику, которая вызывала постоянные восстания местного населения вплоть до второй половины XIV в. Но национальные греческие традиции в сфере культуры оказались весьма стойкими. И мы, заключал П. Топпинг, можем с полным основанием привести слова Платона: «Что бы эллины ни получали от иноземцев, они это обращали в конце концов в нечто более совершенное».

А. Брайер (Великобритания) в докладе «Латиняне на Черном море» выдвинул тезис о «симбиозе народов», под которым он понимает латинское присутствие в Крыму, и «симбиозе культур», не имевшем большого успеха из-за антилатинских и антитатарских настроений православного населения Причерноморья.

Фр. Тирье, видный специалист по истории Венеции и ее взаимоотношений с Византией и другими странами, в своем докладе «Симбиоз в латинских государствах в Романии: религиозные и культурные феномены 1204—1261» проследил взаимное влияние византийской и западноевропейской культур.

Рассмотрение проблем социально-экономической и политической истории Византии изучаемой эпохи было продолжено на секционных заседаниях. Широтой постановки проблем отличались доклады советских ученых: К. А. Осиповой — «Особенности формирования феодальной завитости византийского крестьянства X—XII вв.», Р. А. Наследовой — «Внутреннее развитие византийского города XI—XII вв.», И. В. Соколовой — «Херсон во второй половине XI в. по данным нумизматики и сфрагистики», С. П. Карпова — «Особенности образования Трапезундской империи (1204—1206)». Анализ политических аспектов взаимоотношений Византии с Арменией и Грузией, а также византино-русских отношений был дан в докладах С. Т. Еремяна «Административное деление Византийской Армении и Малой Азии по «Апшарацуйцу» и Нилу Доксапатру», М. Д. Лордкипанидзе «Из истории византино-грузинских взаимоотношений 70-х годов XI века», В. А. Арутюновой «Экспансия Византии на Востоке в трудах армянских историков XI—XII вв.», Н. М. Мургуля «Византия и центростремительные тенденции на Руси в XII в.».

* * *

На заседаниях IV секции конгресса, объединенной под рубрикой «Мысль, философия, история идей», обсуждались две основные проблемы: 1. Идеологический кризис в Византийской империи в период с 1071 по 1261 г., 2. Распространение византийской культуры и цивилизации после 1204 г.

Большая и сложная проблема идеологического кризиса, проявившегося в Византии в период между битвой при Манцикерте и восстановлением империи, не получила, к сожалению, на отведенном для нее пленарном заседании той полноты освещения, какой она, несомненно, заслуживала. По этой проблеме планировалось выступление всего двух основных докладчиков — И. Мейендорфа (США) и Г. Кронца (Румыния), но румынский ученый приехать на конгресс не смог, было зачитано лишь резюме его доклада, посвященного Никее как очагу византийской культуры и противоречивым идеологическим течениям этого времени.

И. Мейендорф рассмотрел два аспекта охватившего Византию в указанный период идеологического кризиса: кризис византийской полити-

ческой доктрины об императорской власти как верховной власти универсальной христианской империи и кризис в отношениях Византии с латинским Западом.

Докладчик констатировал, что в 1071 г. — после битвы при Манцикерте и падения Бари — был положен конец императорской власти в Византии в том ее виде, какой она имела при Василии II и его предшественниках; с этого времени в результате все углублявшейся пропасти между мифом и реальностью идея универсальной христианской империи с византийским василевсом во главе, проводившаяся Византией на протяжении многих столетий, переживает постоянный кризис.

И. Мейендорф присоединился в своем докладе к тем историкам, которые, отмечая упорство и последовательность в отстаивании византийскими идеологами теории единой и универсальной христианской империи (интерпретировавшейся еще Евсевием Кесарийским как провиденциалистское выражение земной власти Христа), указывали в то же время на ту гибкость и реалистичность, какие Византия неоднократно проявляла, практически реализуя эту идею в зависимости от конкретной политической ситуации (в X в. это уступки Византии Симеону Болгарскому; при Комнинах — принятие западных принципов вассалитета, постепенная адаптация византийских императоров к политическому плюрализму внутри считавшегося прежде единым христианского мира). Компромиссные шаги, которые предпринимались Комнинами для реализации универсалистских претензий их предшественников (переговоры с папством и германскими императорами), не смогли увенчаться успехом по той причине, что византийская идея универсализма была несовместима с идеями универсализма папского и германского.

Византийская идея универсальной империи, отметил докладчик, была мифом еще при Юстиниане, однако реальная власть, которой обладали Юстиниан и Василий II, делала эту идею потенциально правдоподобной. После 1071 г. и особенно в 1204 г. конкурирующий с византийским универсалистский миф, исходящий из Рима, фактически одержал победу, причем многие греки и балканские славяне скорее были готовы принять идею универсальной политической монархии римского папы, чем непосредственную власть латинян в Константинополе. Коронация папой в 1204 г. Калояна Болгарского, в 1217 г. — Стефана Первовенчанного Сербского, в 1253 г. — русского князя Даниила Галицкого была вызвана исключительно политическими мотивами, являлась признанием политической реальности *de facto*.

В период с 1204 по 1261 г. в Византии наблюдается переход от идеи универсализма к политическому и церковному плюрализму. Важные идеологические последствия имело здесь, по справедливому замечанию И. Мейендорфа, соперничество за императорскую корону между Эпиром и Никеей, вызвавшее теологические и канонические споры об авторитете вселенского патриарха. Коронация Охридским архиепископом правителя Эпирского царства Феодора Ангела в качестве императора ромеев в нарушение прерогатив Никейского патриарха, коронация последним Феодора Ласкариса привели к новой политической ситуации, в которой соотношение ролей императора и церкви изменилось в пользу церкви, ставшей, по мнению докладчика, воплощением единства православных народов Восточной Европы. Признание Никеей автокефального архиепископа Сербии в Охриде и нового патриарха Болгарии в Тырново свидетельствует в то же время об отказе патриархата от церковного централизма, не имевшего под собой почвы в XIII в. Распадение *oikouμένη*, управляемой одним императором и одним патриархом, представляло собой необратимый процесс, плюрализм империй и патриархов был исторически закономерен. Византийский император превращается в главу эллинов.

Однако идея универсального христианского мира не исчезла в XIII в. в Никее и вновь возродилась после восстановления империи в 1261 г.;

но теперь ее главным носителем становится уже не император, а патриархат. Хотя императору по-прежнему принадлежало последнее слово при назначении патриарха, патриархат как институт обладал большей моральной властью, и поле его деятельности было значительно шире. Идеологические и практические последствия этой ситуации, подчеркнул докладчик, существенны для понимания как истории Восточной Европы, так и такого исторического явления, как «Byzance après Byzance».

Что касается кризиса в отношениях Византии с латинским Западом, то докладчик солидаризировался здесь в общем с теми исследователями, которые при установлении даты церковного раскола между Византией и Римом возражают против бытовавшего прежде в историографии утверждения, будто раскол произошел после ссоры между патриархом Фотием и папой Николаем I на соборе 879—880 гг. или в результате инцидента 1054 г. И. Мейендорф указал при этом на то обстоятельство, что в 1089 г., когда император Алексей I Комнин, заинтересованный в разрыве союза между папством и норманнами, принял легатов Урбана II и обратился за советом к константинопольскому Синоду относительно статус отношений между церквями, в архивах патриархата не было найдено ни одного официального документа, связанного с расколом, и патриарх Николай III направил письмо в Рим, предлагая восстановить отношения на основе признания папой православной веры. В сознании византийцев не было, таким образом, формального раскола между церквями, а имело место только отчуждение, которое можно было преодолеть простым, но официальным устранением *filioque* из латинской веры.

Решающее значение во взаимоотношениях греческой и римской церкви сыграли, по мнению И. Мейендорфа, крестовые походы и разграбление в 1204 г. Константинополя, вызвавшие такую национальную и культурную враждебность между греками и латинянами, которая сделала раскол необратимой реальностью. Докладчик указал в то же время на то обстоятельство, что церковное примирение в период между 1071 и 1261 гг. было затруднено более чем когда-либо из-за действия идеологического фактора, который проявлялся в теории и практике «реформированного» папства и действовал в совокупности с национальным, политическим и культурным факторами, связанными с крестовыми походами.

В период Комнинов византийская дипломатия готова была примириться с новыми политическими претензиями папства в отношении латинского Запада; однако папство выступало с неприемлемым для Византии утверждением о том, что его власть теологически основана на идее наследия Петра в Риме, не является даром Константина, установлена божественною волей и, следовательно, не может ограничиваться географически только латинским Западом.

Идеологический кризис и тяжелые политические катастрофы, пережитые Византией после 1071 г., отнюдь, однако, не уменьшили, по мнению И. Мейендорфа, ее прежнего воздействия на окружающие страны в области культуры. Напротив, слабое византийское государство, включая палеологовскую Византию, оказывало на всю Восточную Европу и латинский Запад более сильное интеллектуальное влияние, чем могущественная Византийская империя времен Македонской династии.

Более широко и многогранно была освещена вторая проблема, обсуждавшаяся на IV секции конгресса: распространение византийской культуры и цивилизации после разгрома Византии крестоносцами в 1204 г.

Докладчики рассмотрели эту проблему применительно к странам Средней Европы (И. Ирмшер), Западной Европы (А. Пертузи) и славянским странам (И. Дуйчев, Б. Ферьянчич, Д. Оболенский).

И. Ирмшер (ГДР) проанализировал исторические предпосылки проникновения византийской цивилизации в страны Средней Европы в XIII—XV вв. Кратко охарактеризовав основные черты социально-экономического и политического развития Византии и государств, входивших

в указанный период в границы Средней Европы, докладчик стремился показать, что сами особенности этого развития обусловили различия в интенсивности и характере контактов стран Средней Европы с Византией. И. Ирмшер констатировал, что в то время, как для феодально-раздробленной, занятой своими внутренними неурядицами Германии Византия со времени IV крестового похода превратилась всего лишь в одно из восточных государств, не имевших для ее истории сколь-нибудь существенного значения, между Польшей и Венгрией с одной стороны и Византией с другой существовали непосредственные, прямые связи (для Польши эти связи были актуальны по причине униатских планов и планов крестовых походов курии, для Венгрии — благодаря династическим союзам). Возможностей для персональных контактов, которые могли бы привести к восприятию византийского культурного достояния, было значительно больше (благодаря, в частности, географической близости) у Венгрии, чем у Польши или Германии.

Постоянно действующим каналом, по которому плоды византийской цивилизации передавались в страны Средней Европы, была торговля, которая шла из Константинополя через Адрианополь и Ниш, по Дунаю и альпийским дорогам. Причем, поскольку внешняя торговля уже ко времени Латинской империи, а также при Палеологах полностью находилась в руках итальянцев, они являлись основными посредниками в передаче византийских товаров. Италия играла, отметил докладчик, и в другом отношении значительную посредническую роль в распространении византийского культурного наследия: окончательно пробитая после IV крестового похода брешь на Запад вызвала все возрастающий прилив в Италию византийских ученых, без деятельности которых были немислимы расцвет греческих штудий в Италии и возникновение итальянского Ренессанса; Германия, Польша и Венгрия не могли здесь остаться в стороне.

Византийская культура распространялась через Среднюю и Верхнюю Италию на север также из Нижней Италии и Сицилии, входивших прежде в состав Византийской империи и сохранивших византийское наследие уже после того, как политические связи с Константинополем были прерваны. В меньшей степени также опосредствованно византийская культура распространялась в страны Средней Европы через Кипр, Родос и Крит — острова, отторгнутые в XII—XIV вв. от Византии, но не утратившие своего греко-византийского облика.

И. Ирмшер рассмотрел далее конкретный материал, свидетельствующий о проникновении византийской культуры в страны Средней Европы. Он пришел к выводу, что после IV крестового похода непосредственное воздействие византийских деятелей культуры на страны Средней Европы почти прекратилось: ни один византийский художник там не работал, литературный обмен носил случайный характер. Признавая, что «культурное излучение византизма» в страны Восточной и Западной Европы после IV крестового похода усилилось, в отношении Средней Европы докладчик констатировал скорее его уменьшение.

И. Ирмшер заключил свой доклад весьма интересным, основанным на изучении главным образом историографической литературы экскурсом о том, какое представление имели в среднеевропейском обществе о Византии, и отметил примечательную эволюцию: если в XIII и XIV вв. к Византии относились довольно пренебрежительно, то в XV и XVI вв., по мере того как турки все больше становились угрозой для Средней Европы, она вызывала к себе возрастающее уважение и интерес, и это привело к тому, что уже в XVI в. стали серьезно изучать историю Византийской империи.

И. Дуйчев (НРБ) выступил с докладом «К проблеме распространения византийской культуры и цивилизации после 1204 г.». Докладчик признал, что военная и политическая катастрофа 1204 г. неизбежно должна

была затормозить литературную и художественную деятельность в Византии. Поскольку деятельность эта была тесно связана с императорским двором и константинопольским патриархатом, после захвата Константинополя крестоносцами должен был пройти определенный промежуток времени, прежде чем она могла возобновиться в новом центре — Никее. «Творцы» византийской цивилизации в области литературы и искусства должны были теперь заботиться в первую очередь об удовлетворении внутренних потребностей, а не об экспорте произведений в другие места.

И. Дуйчев выступил вместе с тем против мнения тех специалистов, которые утверждают, что после разгрома Византии она перестает быть важным фактором в сфере литературы и искусства. «Несчастье одних может нести счастье другим», — заметил докладчик. Даже спустя более чем два с половиной столетия Византийская империя, завоеванная турками, экспортировала на Запад и частично в славянский мир многочисленные литературные и художественные богатства, ставшие фактором первостепенного значения для развития цивилизации в этих частях европейского мира. И. Дуйчев обратил при этом особое внимание на до сих пор еще недостаточно хорошо изученное явление византийской диаспоры, когда именно в результате захвата империи турками (а в XIII в. — после завоевания ее крестоносцами) многие византийские писатели и художники вынуждены были покинуть свою родину и искать убежище и возможность для работы в других странах.

Именно в этом аспекте докладчик рассмотрел вопрос о распространении после 1204 г. византийской цивилизации в Болгарии, куда в силу ряда исторических обстоятельств охотно переселялись византийские эмигранты. Он сообщил о тех выводах, к которым привело его изучение некоторых произведений литературы и искусства первой половины XIII в.: созданной в 1259 г. в Болгарии стеной живописи Боянской церкви и находящихся в Cod. Vat. gr. 307 и принадлежащих анонимному византийскому автору письма и двух стихотворений, написанных по случаю свадьбы болгарского царя Ивана II Асеня (1218—1254). По мнению докладчика, чисто болгарские признаки живописи Боянской церкви говорят против гипотезы тех специалистов, которые считают, что создателями этой живописи были неизвестные византийские художники. Изображения Боянской церкви, полные жизненной силы и свежести, никак не могут быть приписаны византийским художникам, пришедшим на территорию Болгарии непосредственно после падения Константинополя в 1204 г. и к 1259 г. достигшим уже весьма преклонного возраста; Боянская живопись была творением местной школы живописцев, созданной после 1204 г. эмигрантами из Византии.

Историко-филологический анализ анонимного письма и обоих стихотворений привел докладчика к заключению, что они принадлежали образованному византийцу, который оказался в Болгарии в результате византийской диаспоры после 1204 г. Византийская цивилизация продолжала, таким образом, осуществлять свое влияние на южных славян и после 1204 г., когда Византийская империя больше не существовала как политическое единство.

Воздействие византийской монархической и политической идеологии на государство Неманичей в первой половине XIII в. как один из аспектов проникновения византийской культуры в Сербию, рассмотрел Б. Ферьянчич (СФРЮ). По мнению докладчика, хотя Сербия в силу своего географического положения подвергалась различным воздействиям со стороны как Византии, так и Запада, в первой половине XIII в. государство Неманичей в государственно-правовой и культурной областях входило в византийскую сферу влияния и продолжало строить свою монархическую и политическую идеологию по византийским моделям, гармонически используя их для возникавших в стране потребностей. Критически проанализировав официальные сербские документы, происходящие из

канцелярии первых Неманичей и отражающие теоретические постулаты их монархической власти, а также произведения официальной сербской историографии XIII в., Ферьянчич попытался показать, что существовавшая в Сербии в первой половине XIII в. сильная монархическая власть возникла под влиянием византийских моделей и что сербские политические идеи о государстве и государе, а также о взаимоотношениях между светской и духовной властью, понимаемые как идеальное сотрудничество государя и главы церкви, имитируют модели византийской историографической и агиографической литературы.

Ферьянчич рассмотрел титулы и эпитеты, которые присваивались сербским государям первой половины XIII в., в частности эпитет автократор, являвшийся, как известно, одним из основных элементов византийской имперской идеологии. Появление эпитета автократор для первых Неманичей в биографиях XIII в., официальное его присвоение сербскими королями после коронации Стефана Первовенчанного (1217), а также употребление в биографиях первых Неманичей титула «император» и глагола «царевати», термина «империя» как синонима государства являются, по мнению докладчика, бесспорным свидетельством воздействия византийской монархической идеологии на Сербию уже после 1204 г.; к этому же выводу привело докладчика и рассмотрение вопроса о престолонаследии.

Д. Оболенский выступил с докладом «Культура поздней Византии и славяне». Касаясь взаимодействия, «встречи» византийской цивилизации позднего средневековья со славянским миром, в частности с Русью, докладчик исходил из тезиса, что эта «встреча» носила характер «аккультурации» (в том смысле, какой придал этому термину А. Дюпрон на XII Международном конгрессе исторических наук в 1965 г.). В процессе аккультурации происходило взаимодействие и взаимопроникновение различных культур, это был одновременно «и диалог, и противостояние».

Распространяясь в славянском мире, византийская культура, поскольку византийские культурные образцы были чужды славянам, встречала известное сопротивление: в раннее средневековье славяне противодействовали проникающей византийской цивилизации главным образом по религиозным мотивам, в позднее средневековье борьба против византийской гегемонии приобрела откровенно политическую форму.

«Экспортное» византийской цивилизации в страны Восточной Европы могло быть успешным, по мнению Д. Оболенского, при наличии следующих трех условий: 1) распространяющаяся цивилизация в момент взаимодействия должна переживать стадию развития и расширения, 2) восприимчивая цивилизация должна находиться в стадии социальных и политических перемен, 3) встреча между Византией и славянами должна была происходить в культурной среде, в какой-то степени общей обоим мирам и способной действовать по отношению к ним как посредник и катализатор. В IX—XI вв. эти условия обеспечивались благодаря Македонскому ренессансу, выходу славян из состояния племенной раздробленности и созданию по греческому образцу церковно-славянского языка, близкого славянским языкам и ставшего тем каналом, по которому постоянно осуществлялось византийское культурное влияние.

Что касается поздней Византии, то этими необходимыми условиями были, по Оболенскому, поздневизантийский ренессанс, борьба славянских государств Восточной Европы за свою политическую независимость, возникновение крупнейшего в Северо-Восточной Европе Московского государства и, наконец, наличие общего объединяющего культурного посредника, каким являлся так называемый «политический исихазм». Обладая необходимой творческой энергией и космополитическим характером, исихазм позволял византийской культуре проникать за пределы географических и языковых границ.

Культурная общность «византийского содружества государств» в последнее столетие существования империи поддерживалась, по мысли докладчика, благодаря деятельности греко-славянских общин Афонского и других монастырей Восточной Европы, панортодоксальной политике константинопольских патриархов, в первую очередь, исихастов, наиболее решительно проводивших идею единства христианского православного мира, и восточноевропейскому литературному движению, ставившему своею целью заменить имеющиеся славянские версии священных текстов новым, более точным корпусом переводов с греческого.

Вопросу о проникновении византийской культуры и государственности в Италию и Западную Европу был посвящен доклад А. Пертузи (Италия). 1204 год, по мнению докладчика, не составляет никакой границы при решении проблемы распространения византийской культуры на Запад. Поэтому А. Пертузи рассмотрел несколько аспектов ее проникновения в западные страны в XI—XIII вв. Он исследовал, в частности, византийское влияние на политическую идеологию и дворцовый церемониал норманских королей Сицилии и венецианских дождей, византийское влияние на южноитальянское монашество, проследил распространение греческой философии от латинской Сирии, через Испанию, Францию и Брабант до Англии. Докладчик стремился показать, что если при норманском дворе преобладали идеи и обычаи латинского Запада и византийское влияние было незначительным, то в Венеции, напротив, оно было весьма существенным (вплоть до одежды, монет, печатей и т. п.). Сильным было, как показал Пертузи, и византийское влияние на монашество Южной Италии, выразившееся в одинаковом устройстве монастырей, общих уставах и литургии, общих литературных жанрах и зависимости книжного письма.

Доклады и сообщения, зачитанные на секционных заседаниях, носили по преимуществу локальный характер; целый ряд докладов был посвящен отдельным представителям византийской культуры: Григорию Паламе (К. Бонис), Никите Сеидесу (Р. Гахбауер), Леонтию Иерусалимскому (П. Грей), Георгию Мосхампару (Р. Керр), Михаилу Пселлу (П. Шмид), Иоанну Италу (К. Ниархос), Никифору Влеммиду (М. Ферхельст), Феолепту Филадельфийскому (Д. Константелос) и др.

Последнее заседание этой секции было полностью посвящено различным вопросам права. Г. Михаилидис-Нуарос констатировал наличие в Византии «юридического плюрализма», существование наряду с официальным правом также и других правовых систем; Ф. Гориа поставил вопрос о необходимости датировать *Ecloga privata aucta* не XII в., как было принято раньше, а временем, предшествующим царствованию Василия I Македонянина. Свои наблюдения о специфических чертах канонического сочинения Зонары высказал П. Юилье, доклад об Юлиане Аскалоните прочел Шелтема. Я. Н. Шапов в основанном на новом рукописном материале по истории Эклоги и Прохирона докладе «Рецепция памятников византийского права в России после 1204 г.» показал, что на Руси в XIII—XV вв. эти юридические памятники были хорошо известны и использовались в княжеском и церковном суде; в XV в. между представителями различных идейных течений шел спор о возможности применения содержащихся в этих памятниках правовых норм. В докладе И. П. Медведева анализировались данные греческих и латинских источников о новом, до сих пор еще не изученном виде византийской долгосрочной аренды — анакампсисе, показаны его широкое распространение, связь с эмфитевтической арендой и его эволюция.

Общие итоги работы IV секции конгресса в том объеме, в каком поставленные на ее обсуждение проблемы получили свое освещение, можно свести к следующему: после 1071 г. и особенно в результате IV крестового похода византийская политическая доктрина императорской власти как верховной власти универсальной христианской империи переживает

непрекращающийся кризис; конкурирующий с византийским универсалистский миф, исходящий из Рима, фактически одерживает победу; главным носителем возродившейся после восстановления империи в 1261 г. идеи универсального христианского мира становится не император, а патриархат. «Излучение» византийской культуры и цивилизации в страны Восточной и Западной Европы после разгрома Византийской империи крестоносцами в 1204 г. не только не уменьшилось, но возросло; значительно слабее это «излучение» проникало в страны Средней Европы.

* * *

Работа секции «Язык, литература, филология» проводилась по трем основным темам: 1) Архаизирующие и народные течения в языке и литературе, 2) Образование диалектов, 3) Материальные, социальные и экономические условия существования культуры в Византии (палеография, кодикология, дипломатика).

Проблемы сосуществования в литературе и языке Византии второй половины XI—первой половины XIII в. архаизирующего и народного течений, взаимовлияния греческой и латинской средневековой культуры рассматривались в докладах П. Вирта (ФРГ) «Языковая ситуация в XI—XIII вв. Возрождение аттицизма. Образование новогреческого народного языка», В. Хэрэнднера (Австрия) «Традиционное и народное течения в светской поэзии эпохи Комнинов», Ж. Гросдиё де Матона (Франция) «Архаизирующее и народное течения в языке и литературе» и М. Джиганте (Италия) «Значение латинской культуры в Византии». В своем обширном докладе П. Вирт сделал попытку воссоздания картины языковой ситуации, системы высшего образования, развития литературы в Византии указанного периода, а также представил ряд конкретных трактовок памятников византийской литературы. Ж. Гросдиё де Матон исследовал появление в эпоху Комнинов первых литературных текстов на народном языке — его внимание привлекла не проблема в целом, а вопрос о социальной принадлежности авторов этих сочинений и среде, породившей литературу на народном языке, о соотношении нового пласта литературы и памятников традиционного направления.

Вопрос об образовании диалектов был освещен в докладах Н. Андриотиса (Греция) и Р. Браунинга (Англия).

В рамках проблематики этих тем были сделаны сообщения советских делегатов С. С. Аверинцева «К вопросу о прогимназах Никифора Василаки» и А. Д. Алексидзе «Вопросы структуры византийского рыцарского романа», а также ряд сообщений, посвященных исследованию источников, языка и структуры памятников византийской литературы XI—XIII вв.: Б. Бувье (Швейцария) — «Женевский кодекс № 44 как памятник гомеровских штудий в Византии», Р. Маизано (Италия) — «Архаизмы и новообразования в энкомиях Никифора Василаки», Н. Панайотакис (Греция) — «Один источник Истории Скилицы», К. Ромеос (Греция) — «Произведения Птохопродрома с точки зрения фольклора» и др.

Некоторые итоги изучения материальных, социальных и экономических условий культурной жизни Византии в XI—XIII вв. были представлены в докладах третьей темы данной секции. Здесь было заслушано и обсуждено три доклада: П. Канар (Ватикан) — «Греческая книга в Южной Италии эпохи норманского и швабского господства: аспекты материальные и социальные»; А. Гийу (Франция) — «Роль материальных, социальных и экономических условий в культуре Византии 1071—1261 гг.»; Б. Л. Фонкич (СССР) — «Вопросы книжного дела в Византии 1071—1261 гг.» Однако начать анализ докладов данной темы мы хотим с представленного конгрессу исследования Ж. Иригуэна (Франция) —

«Материальные условия книжного производства в Византии с 1071 по 1261 г.»

Ж. Иригуэн рассмотрел вопросы о пергамене в византийском книжном производстве XI—XIII вв., проникновении в обиход книгописных мастерских и канцелярий нового материала для письма — бумаги, о чернилах в греческих рукописях указанного периода. К изучению византийской пергаменной книги автор подошел совершенно по-новому, с точки зрения экономических возможностей изготовления пергаменного кодекса. Исследуя формат греческих рукописей XI в., Иригуэн приходит к заключению, что из одной козлиной или овечьей шкуры можно было изготовить не более двух двойных (четырёх одинарных) листов рукописи обычного для середины XI в. формата. Его расчеты показывают, что для написания 10-томного экземпляра Мифологии Симеона Метафраста в середине XI в. потребовалось стадо почти в 900 животных — одного этого факта достаточно, чтобы наглядно показать дороговизну пергамена даже среднего качества, лучше понять потребности в материале для письма активно работающих книгописных центров, вынужденных прибегать к изготовлению палимпсестов, продемонстрировать всю выгоду внедрения в византийское книжное производство бумаги.

Как известно, систематическое проникновение в обиход византийских книгописных мастерских и канцелярий бумаги начинается с XI в. Этот процесс изучен достаточно полно, прежде всего — в работах самого Ж. Иригуэна. Поэтому в докладе он ограничивается рассмотрением вопроса о месте производства так называемой бумаги «восточного происхождения» (убедительна его критика гипотезы о возможности производства бумаги в X в. в самой Византии), об использовании бумаги в изготовлении греческих рукописей в Южной Италии в XI—XIII вв. и идентификации различных сортов бумаги как важным приеме работы кодиколога, историка текста, а также историка торговли и международных связей, об использовании писцами XII—XIII вв. пергамена и бумаги в одном и том же кодексе.

Что касается чернил греческих рукописей указанного времени, то Иригуэн, анализируя известный факт изменения цвета чернил в греческих рукописях начиная с XII в., приходит к выводу о непосредственной зависимости изменения формулы чернил от внедрения в книжное дело бумаги. Это явление наблюдается в рукописной продукции XII в. не только Византии, но и всего Средиземноморья, оно обязано своим появлением (согласно гипотезе Иригуэна) арабам, начавшим раньше всех из средиземноморских народов использовать бумагу в книжном производстве.

Предварительные результаты исследования почти двух тысяч греческих рукописей Южной Италии IX—XVI вв. с акцентом на анализе материала XI—XIII столетий были изложены в докладе П. Канара, который суммировал наблюдения группы кодикологов и историков византийской литературы (А. Жакоб, П. Канар, Ж. Леруа), сделанные в процессе многолетнего всестороннего изучения южноитальянских греческих рукописей. Хотя работа П. Канара посвящена периферийному материалу, возникавшему в удаленном от византийского центра регионе (и в этом отношении доклад может быть соотнесен с рядом обсуждавшихся на конгрессе исследований темы «Области распространения византийской культуры после 1204 г.»), выводы ее имеют важнейшее значение для всех исследователей средневековой греческой культуры и, разумеется, представляют особый интерес для кодикологов: продукция южноитальянских греческих скрипториев XI—XIII вв. впервые изучена на столь обширном материале, причем приняты во внимание не только сами манускрипты, но и данные древних библиотечных каталогов, и косвенные свидетельства различного рода.

Доклад П. Канара можно разделить на две части: в первой изложены итоги кодиколого-палеографического исследования, во второй — итоги изучения содержания рукописей. Особенности греческих рукописей Южной Италии, выгодно отличающие их от остальной массы византийских рукописей, — наличие локальных признаков письма и сравнительно высокий процент датированных рукописей — позволили уверенно распределить весь доступный материал в хронологическом и географическом рядах и проследить историю книгописания в важнейших скрипториях или книгописных областях, наблюдая периоды подъема или спада книжного производства на протяжении XI—XIII вв. в таких районах, как Россано, Сицилия — Калабрия, Отранто и др. Необычайно важны для специалистов представленные в таблицах (с. 50—52) цифровые данные распределения рукописей по центрам, столетиям и содержанию. Канаром прослежены свойственные южноитальянским греческим рукописям приемы изготовления пергамента, связь формата рукописной книги с ее содержанием, употребление карандаша при разлиновке листа (влияние латинской культуры), особенности палеографии и иллюминации кодексов. Автор настаивает на необходимости тщательного анализа двух влиявших друг на друга форм существования греческого письма в Южной Италии X—XIII вв. — письма книг и письма документов: лишь после такого исследования можно продвинуться в определении других воздействий на книжное письмо греческих рукописей данного региона.

Что касается содержания южноитальянских греческих рукописей, то при его изучении Канар подчеркивает необходимость сочетания анализа качественного и количественного, выяснения роли каждого сочинения, которое читалось, изучалось, комментировалось, выявления соотношения между старым и новым, традиционным и заново рожденным, сочинениями «импортированными» и местной продукцией, указывает на важность изучения социального и культурного уровня авторов и читателей, оценки взаимодействия языков и культур в областях, где наряду с греко-латино-арабской стихией было ощутимо воздействие христианской культуры Египта, Сирии, Палестины, Армении и славянского мира. В докладе представлены итоги исследования южноитальянских греческих рукописей, содержащих тексты литургические, библейские, агиографические, гомилетические, памятники античной литературы и др. Исключительная насыщенность доклада новыми фактами, интересными наблюдениями, идеями о перспективности того или иного направления в изучении византийской книжности заставляет с нетерпением ждать выхода в свет подготовляемой П. Канаром и его сотрудниками серии посвященных греческим рукописям Южной Италии монографий.

Черты, характеризующие византийскую литературу второй половины XI—середины XIII в., ее основные направления, социальную позицию и интересы авторов, были выявлены в докладе А. Гийу. Изучив социальную принадлежность византийских писателей XI—XIII столетий, автор приходит к выводу о важной и новой роли, какую играют в литературе две категории: 1) люди, облеченные духовным саном — епископы, архиепископы, митрополиты, и 2) врачи. Основное место в работе Гийу отведено исследованию тона сочинений византийских писателей указанного времени, их ярко выраженного интереса к конкретному, к окружающей действительности, а в связи с этим — возрождения вкуса к описаниям, повествованию, заинтересованности в передаче деталей — пейзажа, скульптуры, характера человека, критического отношения к изучаемому объекту. Анализ более чем 180 сочинений или групп сочинений, принадлежащих перу почти 60 византийских писателей середины XI—середины XIII в., рассмотрение памятников литературы на широком фоне фактов экономической и политической жизни империи сделали наблюдения А. Гийу особенно убедительными, позволили воссоздать цельную картину литературного творчества византийцев в хро-

нологическом промежутке почти в два столетия, определить то новое, что характеризует литературу эпохи Комнинов — Ангелов — ранних Палеологов, показать перспективу ее развития.

В докладе Б. Л. Фонкича были рассмотрены некоторые проблемы палеографического изучения греческих рукописей XI—XIII вв. (происхождение литургического минускула и стиля «выпученных глаз», возможность сопоставительного исследования книжных почерков и почерков документов императорской канцелярии начиная с памятников второй половины XI в.), а также привлечены данные кодикологического анализа манускриптов для реконструкции одной из самых крупных византийских библиотек начала XIII в. — библиотеки Лавры св. Афанасия на Афоне.

Вопросы изучения византийских рукописных книг и документов были изложены в ряде специальных сообщений: Е. П. Метревели (СССР) — «Грузинские литургические рукописи IX—X вв. и их значение для исследования византийской гимнографии», Э. Вранусси (Греция) — «Архив монастыря Неа Мони на Хиосе: опыт реконструкции», М. Нистазопулу-Пелекиди (Греция) — «Исследование по византийской дипломатике эпохи Никейской империи», Э. Гамилшег (Австрия) — «Наблюдения по рукописной традиции византийских учебников» и др.

Специальное пленарное заседание было посвящено *Instrumenta studiorum*. В представленных на нем докладах и сообщениях содержалась обширная информация о справочниках, каталогах, словарях, которые либо уже начали выходить из печати, либо готовятся к изданию. Перечислим основные доклады: П. Лемерль (Франция) — «Словарь византийских древностей», А. Бэнди — Р. Браунинг (Англия) — «Новый Дюканж», А. Пертузи (Италия) и Г. Хунгер (Австрия) — «Корпус источников византийской истории», Г. Хунгер — «Просопографический лексикон эпохи Палеологов», «*Tabula Imperii Byzantini*» и «Корпус греческих писцов (800—1600 гг.)», О. Демус (Австрия) — «Корпус византийских рукописей с миниатюрами», Л. Политис (Греция) — «Палеографические исследования Национального банка Греции», Л. Врануссис (Греция) — «Конкорданция литургических текстов греческой православной церкви».

Одной из больших тем конгресса была тема «Кипр в византийском мире». В рамках этой темы были рассмотрены вопросы о роли Кипра как перекрестка византийского мира [доклады К. Манго (Англия) «Кипр — перекресток византийского мира» и Ф. Пападопулоса (Кипр) «Кипр — этническая и социо-культурная граница византийского мира»], об автокефалии кипрской церкви (доклады греческих делегатов А. Мицидиса и Г. Конидариса, сообщение митрополита Китроса Варнавы Цорцатоса), о праве и французских институтах на Кипре [доклады П. Зепоса (Греция), Ж. Ришара и Н. Звороноса (Франция), сообщения греческих ученых Н. Пантазопулоса и Гофаса и дискуссия на эту тему, которой руководил В. Джорджеску (Румыния)], о кипрском средневековом диалекте и памятниках византийской литературы, возникших на Кипре (исследования греческих специалистов М. Христоулу, Н. Томадакиса, В. Энглезакиса и др.).

* * *

Вопросы истории искусства, как и археологии, должны были рассматриваться в соответствии с общей проблематикой конгресса в хронологических рамках от 1071 до 1261 г. Это в достаточной мере неоправданное для вопросов истории культуры ограничение (определяемое чисто политическими событиями) практически было выдержано лишь частично. Было представлено три доклада по монументальной живописи [основной — В. Джурича (Югославия) «Византийские стенописи. XII—XIII вв.»; Л. Хадерман-Мисгич (Бельгия), «Позднекомниновская монументальная живопись и ее продолжение в XIII в.»; Ж. Лафонтен-До-

зона (Бельгия), «Эволюция декоративной программы церквей», два по иконописи [М. Хадзидакис (Греция), «Эволюция иконы в XI—XII вв. и трансформация темплона»; Т. Вельманс (Франция), «Распространение иконы в XII и начале XIII в.», один — доклад А. Катлера (США) — касался частного вопроса («Аристократические псалтири: состояние изучения»).

Отсутствовали обобщающие доклады по архитектуре и скульптуре. Вопросы специфики развития малых форм искусства были в известной мере освещены лишь в секционном сообщении автора этих строк. Надо сказать, что при повторении ряда положений в указанных выше докладах полной картины развития византийского искусства с конца XI до середины XIII в. не получилось.

Наиболее широкий круг проблем охватывал доклад В. Джурича. Автор справедливо отметил, что «концепции развития византийской живописи значительно изменились после открытия новых памятников и расчистки старых» (с. 91). И действительно, в докладе учтено огромное число памятников, многие из которых стали известны лишь совсем недавно, а некоторые не опубликованы и в настоящее время.

Не подлежит сомнению, что введение в научный оборот таких значительных памятников, как фрески в храме св. Софии в Трапезунде, сенсационное открытие цикла сцен из истории Франциска Ассизского в Календер-Джами на территории Константинополя, расчистка росписей в ряде сербских и греческих памятников и др. вносят значительные коррективы в представление об истоках искусства времени Палеологов и заставляют по-новому воспринимать живопись XIII в.

Во введении к докладу В. Джурич дает свое определение византийского искусства, не считая возможным его ограничить рамками Византийской империи. Он утверждает, что особенности *стиля*, а не иконографии составляют специфику византийского искусства. Отмечая повышенный интерес последнего поколения исследователей к национальным или региональным особенностям живописи, автор считает не менее важной социальную обусловленность художественных явлений. В этом направлении, как он полагает, немало сделали ученые начала века, противопоставлявшие «придворное» искусство «монашескому». По словам В. Джурича, «подобно тому, как каждая часть византийского мира вносила свой вклад в византийскую живопись, так и разные слои византийского общества имели свои концепции — двор, аристократия, жители больших и малых городов и разные слои духовенства — от высших сановников до монахов пустынников» (с. 10). Наличие различных концепций разных социальных групп и придавало, по мнению автора, особую интенсивность духовной жизни и богатству ее духовного выражения.

Этот тезис докладчик в дальнейшем обосновывает целым рядом примеров, справедливо подчеркивая роль константинопольского патриархата; однако надо сказать, что намеченное «многообразие» социальных групп и их концепций в конечном счете сводится к противопоставлению светского, придворного круга памятников и монашеского. Таким образом, мы вновь возвращаемся к теории начала нашего века, применявшейся тогда для разных групп псалтирей.

Раздел доклада, посвященный XII в., делится на три части: 1. «Эволюция стиля»; 2. «Аристократическая и клерикальная концепции»; 3. «Единство комниновской живописи». Справедливо отмечая, что битва при Манцикерте и вступление на престол Алексея Комнина сами по себе не могли оказать решающего влияния на развитие искусства — разве лишь сокращение границ империи (в части Каппадокии и примыкающих областей) сократило интенсивность художественной деятельности этих районов, В. Джурич устанавливает, что комниновский стиль в монументальной живописи определяется около 1120 г., а получает свое классическое выражение в третьей четверти XII в. (с. 16). Именно в это время, по его мне-

нию, было достигнуто органическое единство, синтез архитектуры, монументальной живописи, декоративной скульптуры. Комниновская живопись, продолжает он, в наибольшей мере выражала византийский спиритуализм (с. 19).

Как нам представляется, В. Н. Лазарев (работами которого, естественно, широко пользуется В. Джурич), рассматривавший все явления византийской живописи в комплексе, в частности в большой (может быть, при современном знании монументальной живописи, слишком большой) мере анализируя миниатюрную живопись, был более прав, считая, что вторая половина XI века и весь XII век являются классической эпохой византийского искусства. В известной мере это разноречие, очевидно, проистекает и из того, что В. Джурич более широко понимает византийскую живопись, наблюдая единство стиля и параллелизм развития искусства на обширных территориях империи и ряда других стран (включая Древнюю Русь, Италию и др.). Непосредственно перед вторжением крестоносцев художественный язык комниновской живописи не был уже единым: это начало сказываться в последней трети XII в. Наиболее выразительным памятником, отражающим новые поиски, предвещающие развитие искусства в XIII в., он считает мозаики Монреале (с. 26—27). Отмечая эти особенности сицилийских мозаик, автор не останавливается (в противоположность В. Н. Лазареву) на складывании местной сицилийской школы мозаичистов. По-видимому, он не исключает значение местного начала, однако это его меньше интересует, чем проблема разных концепций — аристократической и клерикальной, которой и посвящен второй раздел этой части доклада. Эти различия он усматривает прежде всего в характере колорита: фресковые росписи, исполненные в светлом колорите, с применением живописных приемов в передаче объема (унаследованных от античного классицизма), он связывает с придворными кругами, высшими группами знати, привлекая имена донаторов не только греческих, но и грузинских и русских.

Другая группа росписей исполнена в темном колорите, с резким противопоставлением светотеневых акцентов. Эти памятники связаны с клерикальными кругами. Такую социальную стратификацию он считает особенно характерной для периода, предшествующего Комнинам. В комниновское время обе концепции сблизились: аристократическая восприняла экспрессивную силу, свойственную клерикальной, клерикальная в свою очередь восприняла ряд черт от аристократической. Третий раздел этой части доклада и озаглавлен: «Единство комниновской живописи».

Если 50 лет назад, пишет В. Джурич, открытие фресок в Нерези явилось сенсацией не столько из-за их иконографии, сколько из-за стилистической выразительности, то теперь это не изолированный памятник: он входит в группу, насчитывающую едва ли не сотню примеров (с. 37): эти памятники докладчик видит на обширнейших территориях от Иерусалима и Кипра до Ладожского озера и Готланда и до Кавказа, Венеции и Триеста и объясняет кажущуюся ему общность реальными историческими условиями, связями, установившимися между православными странами, в первую очередь церковными, и обращенностью всех этих стран к Константинополю (с. 38) и Фессалоникам, диктовавшим правила вкуса, стиля и поведения. Местные привнесения были минимальными в живописи Комнинов. Более того, в XII в. Константинополь оказывает воздействие и на католический мир.

Во второй части доклада («XIII век») рассматривается обширнейший материал художественного творчества на широких территориях распавшейся Византийской империи (Константинополь и сфера его влияния: Никея, Трапезунд, Эпирский деспотат), а также территорий, находившихся под иноземным владычеством: диоцез афинского митрополита, на архипелаге и в Пелопоннесе, в архиепископстве Охрида и в диоцезе

митрополита Дураццо, в Каппадокии. Особый раздел посвящен Грузии и славянским народам (Сербии, Болгарии, Руси).

Эта часть доклада представляется исследовательски более глубокой, хотя нельзя забывать, что она в значительной мере совпадает по теме с великолепным докладом О. Демуса на XII конгрессе византинистов в Мюнхене: как известно этот доклад был посвящен проблеме происхождения палеологовского стиля в живописи. За истекшие 18 лет появилось много новых памятников, но лишь некоторые явления могут в связи с этим рассматриваться иначе, чем их характеризовал тогда О. Демус. В числе таких новых фактов, помимо названных выше открытий в Календер-Джами, в Константинополе, или введения в науку фресок Софии в Трапезунде, можно назвать фрески церкви св. Софии в Никее, Епископии в Евритании и др.

Тема XIII в. широко освещалась, как известно, на симпозиуме, посвященном Сопочанам в 1964 г., а также в Думбартон-Оксе в 1966 г. На последнем освещался византийский вклад в западное искусство XII и XIII вв. На первом же следует выделить интересный доклад С. Радойича, который наряду с другими художественными аспектами рассматривал западный фактор (имевший определенное значение для понимания живописи Сопочан). В. Н. Лазарев видел черты романского стиля в сербских памятниках XIII в. В. Джурич, по-видимому, их не принимает во внимание.

Уже в этом основном докладе Афинского конгресса автор, не исключая локальных центров для предкомниновского периода и искусства конца XIII в., делает акцент на социальной стратиграфии. Заметим, что в некоторых случаях это социальное членение почти совпадает с противопоставлениями «столичного» и «провинциального» — с той разницей, что заслугой В. Джурича является установление существования в самом Константинополе различных художественных течений, что в достаточной мере не подчеркивалось его предшественниками. Как нам представляется, оба крена имеют свои плюсы и минусы. Тщательный анализ привел В. Н. Лазарева к определению локальных школ — это в первую очередь материал Сицилии, а в дальнейшем Руси и в известной мере славян. Поэтому определение мозаик Монреале как чисто византийского памятника является принципиально неправильным и их отождествление с фресками Курбинова, как делает Л. Хадерман-Мисгвич (с. 108), никак не убеждает.

Л. Хадерман-Мисгвич, автор капитальной монографии «Росписи церкви Георгия в Курбинове и византийская живопись XII в.», в своем содокладе «Позднекомниновская живопись и ее продолжение в XIII в.» обнаружила широкую осведомленность в этом вопросе. Она поставила своей задачей рассмотреть стилистическую эволюцию живописи второй половины XII в. в ее основных направлениях, а также в побочных течениях (в известной мере привлекая и памятники XIII в., сохранявшие эстетику более раннего времени). С другой стороны, она дает характеристику новых тенденций как со стилистической, так и с иконографической стороны. Как видим, содержание доклада и содокладов в значительной мере пересекалось. Докладчица тонко характеризовала отдельные памятники, объединяя их в группы по формальным признакам. Отмечая сходство между росписями, возникшими в различной среде, на далеком расстоянии друг от друга, она не объясняла подобных явлений. Какова бы ни была общая подоснова, восходящая к Константинополю, такое обобщение не представляется достаточно убедительным.

Во второй части содоклада автор формулирует, в чем заключается вклад позднекомниновской живописи — как с точки зрения стиля, так и иконографии. В последнем ее выводы предваряют сообщение Ж. Лафонтен-Дозонь, а отчасти и М. Хадзидакиса. Надо сказать, что Ж. Лафонтен-Дозонь, в противоположность своим коллегам, строит изложение с неизменным учетом локальных центров. Она отмечает, что, например, в Кап-

падокии столичная программа была воспринята лишь в определенных рамках (с. 132), в Равенне существовала местная школа, мало связанная с византийской программой того времени (с. 140); в Грузии византийское влияние тоже было различным, в зависимости от исторических условий (с. 139) и т. д.

В числе других памятников Ж. Лафонтен-Дозонь выделяет мозаичные циклы в Сицилии, отмечая их своеобразие, обусловленное не только приспособлением к особенностям архитектурных форм на Западе, но и пополнением нарративными циклами из истории Христа, чуждыми византийским церквам. Вне византийской программы и многочисленные эпизоды из Ветхого и Нового заветов, широко представленные в Монреале. Наконец, ряд иконографических особенностей автор устанавливает и в русских памятниках.

Вместе с тем она определяет и некоторые общие явления в эволюции иконографии: более конкретный характер литургических сцен, особый интерес к сценам из жизни богородицы и святых (в меньшей степени Христа), отступление от суровой программы предшествующего периода связаны с углублением литургической темы. Ж. Лафонтен-Дозонь ставит в связь эволюцию программ росписей с развитием архитектурных форм, прежде всего господствующей формы — крестовокупольного храма; как известно, эта система применялась порой и в церквях других типов. Специально остановилась докладчица и на особенностях расположения изображений праздничных сцен в характерных для Греции храмах с системой тромпов.

В заключение Ж. Лафонтен-Дозонь отмечает, что во время латинского завоевания столицы в византийском мире, переживавшем кризис, «программисты» хранили традиции, одновременно открывая путь к более сложным программам, которые получают свое выражение, когда Константинополь вновь обретет свою роль великого координатора (с. 156).

Доклад М. Хадзидакиса «Эволюция иконы в XI—XIII вв. и трансформация темплона», основанный на многочисленных письменных источниках и на внимательном изучении памятников, носил конкретный исследовательский характер. Доклад делился на две основные части: 1) пути эволюции от темплона к иконостасу, 2) иконы иконостаса. В итоге М. Хадзидакис пришел к выводу, что превращение темплона в своего рода стену, покрытую иконами, начинается и завершается раньше, чем принято было считать, что каждый регистр был организован в соответствии с определенной богословской идеей.

В противоположность установившемуся мнению, М. Хадзидакис полагает, что уже в XI в. большие иконы с особо почитавшимися изображениями располагались между колоннами преграды перед алтарем; значительно большее распространение они получают в XII в., о чем свидетельствует ряд памятников, сохранившихся на Кипре. Аналогичные факты имеются и в Пелопоннесе.

Анализируя дошедшие до нас иконы с праздничными сценами, написанные на длинных или расположенные на отдельных досках, М. Хадзидакис приходит к выводу о значительном распространении цикла двенадцати праздников, а также деисусных изображений, о существовании двойного ряда икон, предвещающих появление иконостаса. Эти явления обусловлены развитием литургии, отделением действия, происходящего в алтаре, от глаз верующих. Богословская мысль влияла как на общую программу, так и на иконографию отдельных сцен и в монументальной, и в иконной живописи.

Каждое свое заключение автор строит на основе конкретного анализа памятников. Он изучил не только их лицевые изображения, но и оборотную сторону: характер обработки оборотной стороны доски, имеющуюся на ней орнаментацию и пр. он определяет, как общую для произведений, происходящих из Синайского монастыря и с Афона, иногда из Кипра и

Греции. Отсюда вывод об общем центре, если не одной мастерской, расположенной до 1204 г., очевидно, в Константинополе.

Интересны также его наблюдения над оформлением царских врат, двусторонних «процессиональных» икон, запрестольных крестов, больших икон, служивших для поклонения, и др.

Доклад М. Хадзидакиса имеет большое значение и для изучения древнерусской иконописи: его приемы могут быть использованы нашими исследователями.

Мало что добавила к этому основному докладу Т. Вельманс. Построение содоклада не отличалось большой четкостью и в ряде моментов его содержание совпадало с предыдущим. Справедливо отмечая рост распространения византийских икон в связи с христианизацией Болгарии и Руси, она очень широко пользуется русскими примерами для иллюстрации положений, связанных с Византией (замечу, что ряд памятников, давно переданных в Эрмитаж, Т. Вельманс относит к Русскому музею). Не всегда оправданно автор обращался к доиконоборческому периоду, как и к XIV в.

Краткие выводы о широком распространении византийских икон от Руси до латинского мира, прежде всего Италии, о большой дифференциации в функциях икон, обогащении иконографических схем, нарастающей тенденции к выражению чувств не вызывают возражений.

Весьма ценным являлся пленарный доклад-лекция К. Вейцмана «Коллекция синайских икон от VI до XIII в. в связи с историей монастыря». Как известно, К. Вейцман посвятил целый ряд статей этим памятникам, а недавно вышел в свет первый том каталога *The Monastery of St. Catherine at Mont Sinai. The Icons, vol. 1: From the sixth to the tenth Century*. Princeton, 1976. Начало изучению этого замечательного собрания было положено Г. и М. Сотириу в 1956 г. К. Вейцман дает исчерпывающее исследование коллекции Синайского монастыря, которая будет издана в целом ряде томов.

Как отмечалось выше, миниатюрная живопись периода 1071—1261 гг. не получила достаточно полного освещения на конгрессе. Это особенно жаль потому, что остается неясным вопрос о причинах, вызвавших наибольший расцвет этого вида искусства в XI в. и относительное замирание в XII в., тогда как, согласно докладом, посвященным монументальной живописи того же времени, следовало, что она переживала свой апогей именно в XII в.

Доклад А. Катлера (на который, по-видимому, ориентировались как на ведущий), как показывает его название, носил частный характер: «Аристократические псалтири: состояние изучения». Автор в большей мере ставил вопрос, чем его разрешал. Однако условность самого понятия «аристократичности» была А. Катлером достаточно обоснована. На двух заседаниях, посвященных миниатюрной живописи, было оглашено значительное число сообщений об отдельных иллюстрированных рукописях (в том числе и русских) или их группах: среди них было два сообщения советских участников конгресса: В. Д. Лихачевой — «Роль императорского скриптория в художественном оформлении константинопольских рукописей конца XI в. (по материалам собраний Советского Союза)» и О. И. Подобедовой — «События византийской истории рубежа XII—XIII вв. в интерпретации русского миниатюриста второй половины XVI в.» (как бы на стыке вопросов истории и истории искусства).

Г. Бухталь (США) в своей лекции-докладе на пленарном заседании дал представление об одной школе миниатюрной живописи и ее месте в искусстве Константинополя XII в. Доклад, построенный на сопоставлении трех рукописей (евангелие Urb. gr. 2 (vat.) и «Гомилии» Paris. gr. 1208, Vat. gr. 1156), продемонстрировал блестящую методику исследования крупнейшего знатока средневековой миниатюры.

Одной из центральных тем конгресса была «Роль Кипра в византийском мире»: особо была выделена при этом проблема «Раннехристианское искусство на Кипре». В обобщающем докладе Ш. Дельвуа «Раннехристианское искусство Кипра» давалась характеристика не только излюбленной автором области — архитектуры, но и всех других видов искусства, в свете исторических судеб острова. А. Мегау рассмотрел «Внутреннюю декорировку» на раннехристианских памятниках Кипра: мозаичные полы, убранство стен различными материалами, монументальные мозаики. А. Папагеоргиу сделал доклад «Раннехристианская архитектура Кипра».

Роль Кипра была достаточно широко освещена и в докладах, посвященных монументальной и иконной живописи в период между 1071 и 1261 гг. Значение памятников искусства Кипра можно было наглядно видеть на выставке «Иконы Кипра», приуроченной к конгрессу.

На трех заседаниях было оглашено около полутора десятков сообщений по архитектуре Византии и связанных с нею стран. Большой интерес вызвал внепрограммный доклад Ван Найса (США) «Св. София: новые свидетельства для новой интерпретации». Из него явствовало, что всестороннее исследование прославленного памятника может внести немало нового и что возможности для его изучения еще далеко не исчерпаны.

В ряде сообщений освещались связи Византии с Западом, Балканскими странами, например: «Латинская фаза в Календер-Джами» (С. Страйкера), «Византийские памятники в Швеции XII—XIII вв.» (Е. Пилотт), «Средневековая архитектура Греции: западные монашеские ордена в латинских государствах на территории Византии» (Б. Киттики-Панагопулос) и др.

Проблемы малых форм искусства тесно соприкасались (как и некоторые архитектурные темы) с археологией, например сообщение участницы советской делегации Р. М. Джанполадян: «Новые образцы византийского стекла из раскопок в Советском Союзе». Другие информировали о новых находках или замечательных приобретениях музеев (как, например, М. Лазович: «Византийская патена из Музея искусства и истории в Женеве»). В третьих пересматривались существующие оценки и датировки. А. В. Банк (СССР) в своем докладе пыталась определить основные тенденции развития малых форм искусства: как и В. Джурич, она полагает, что политические события (вроде битвы при Манцикерте) не могли оказать прямого воздействия на культуру, в частности на искусство. В свете соображений, выдвинутых в других докладах, можно сказать, что ход развития основных видов прикладного искусства не отличался от миниатюрной, в меньшей степени от монументальной живописи. Наиболее высокий уровень исполнения эмалей, изделий из серебра и кости приходится на период, предшествующий XII в. Художественное качество памятников XII в. часто ниже более древних. Наблюдается тенденция к более массовому производству, характерно замещение более дорогого материала удешевленным (например стеатиты вместо слоновой кости, литики вместо камей, эмали выемчатой, а не перегородчатой техники). Быть может, это объясняется более массовым производством.

Одновременно, особенно к концу рассматриваемого периода, следует отметить отчетливо выраженные черты взаимопроникновения элементов искусства Византии, Балканских стран, Западной Европы (прежде всего Италии), а в некоторых видах искусства Руси и Ближнего Востока. События 1204 г. имели, несомненно, огромное значение для малых форм искусства, отразившись на их судьбах и после восстановления империи.

Наибольшее число секционных сообщений касалось живописи, прежде всего монументальной: среди них было много информационных, знакомивших с новыми памятниками, прежде всего на территории Греции, а также на Кипре, в Югославии и Болгарии. К сожалению, работы советских исследователей (связанные с древнерусской и грузинской про-

блематикой) не были оглашены. Впрочем, о некоторых памятниках сообщали зарубежные исследователи (Н. Тьерри — «О неопубликованных грузинских росписях в Кобайре», Д. Райт — «Богато декорированная русская псалтирь XII в.»).

Среди докладов более общего порядка можно отметить такие, которые были посвящены византино-западным связям, некоторым общим вопросам: И. Максимович — «Сербское искусство XII в. между Византией и Западом», К. Николеску — «Распространение и ассимиляции византийской цивилизации на территории Румынии» (по материалам искусства).

Немногие доклады носили теоретический характер. Среди них — выступления С. Тзуи (Япония) — «Монохромия как способ передачи невидимого мира в византийском искусстве» и И. Е. Данилова (СССР) — «К вопросу о соотношении слова и изображения в византийской живописи (на примере иконы «Благовещения» из Гос. Музея изобразительных искусств им. Пушкина)».

Общее количество сообщений, посвященных истории искусств, было чрезвычайно велико, значительно превышая все остальные секции (около 150): одновременно работало две, а иногда и три секции. Посещение всех докладов было практически невозможно. Обсуждений также фактически не было. На заключительном заседании П. Лемерль справедливо отметил, что интерес к вопросам византийского искусства столь велик, что, быть может, настало время поставить вопрос о специальных конгрессах по византийскому искусству. Со своей стороны заметим, что такое отделение проблем художественной культуры от остальных сторон истории и культуры может иметь нежелательные последствия. Смысл конгрессов — во взаимной информации, установлении закономерностей исторического развития, освещении центральных проблем под углом зрения разных источников. К сожалению, последние конгрессы (и даже всесоюзные византинистские конференции) не дают возможности для таких встреч ученых, работающих по письменным и вещественным источникам. Быть может, полезнее опыт югославских коллег, неоднократно созывавших симпозиумы, посвященные определенным памятникам на фоне общеисторических вопросов.

Огромное значение для историков искусств имело ознакомление с византийскими памятниками Греции. Значительный интерес представила и демонстрация фильма «Искусство Византии в собраниях Советского Союза» по материалам выставки, организованной Эрмитажем в 1975—1976 гг.

Итоги работы XV Международного конгресса византинистов были подведены на заключительном пленарном заседании П. Лемерлем. Дав положительную оценку работе конгресса, продемонстрировавшего значительный прогресс в области византиноведческих штудий во многих странах, П. Лемерль отметил в то же время чрезмерное тематическое многообразие докладов и сообщений и высказал пожелание будущему конгрессу развернуть дискуссию по одной или двум кардинальным проблемам истории Византии.

На заседании Генеральной ассамблеи Международной ассоциации византинистов было переизбрано руководство ассоциации: на пост президента избран президент Австрийской академии наук и директор Византийского института при Венском университете Г. Хунгер, на пост генерального секретаря — греческий ученый проф. М. Хадзидакис. В обновленный состав Бюро ассоциации были избраны в качестве вице-президентов ассоциации Э. Арвейлер (Франция), З. В. Удальцова (СССР), И. Шевченко (США).

Очередной, XVI Международный конгресс византинистов решено провести в 1981 г. в Вене (Австрия).